

Валентина Томашевская-Арндт

Чудесное возвращение из комы

Рассказ

Мы заговорили об искусственном продлении жизни. Например, когда человек в коме и мозг уже не работает, иные родственники в течение небольшого времени, убедившись, что ничем нельзя помочь, дают разрешение отключить аппаратуру, а иные же поддерживают жизнь тела близкого им человека долгие годы, вплоть до 20 лет...

Интересную историю рассказала одна женщина - симпатичная, светловолосая, ямочки на щеках – Галя.

Тогда она жила в Казахстане и была в особом положении: на шестом месяце беременности и, пережив сильнейший стресс, впала в кому. Ребенка, к сожалению, не удалось спасти, и саму Галину, поскольку надежды уже не было, отключили от аппаратуры искусственного поддержания жизни. Это происходило в одной из районных больниц Казахстана. "Просто ждали, когда сердце остановится." Свекор Гали, Петр, узнал о случившемся, примчался в больницу.

Не зная, в какой палате она лежит, стучался во все окна, которые были у него на пути, и звал, звал ее: «Галя, Галя, я тебя ищущу! посмотри в окно!» И представьте, она услышала этот его зов! Встала с постели – вышла из комы! – и, подойдя к окну, и сказала: " Все хорошо, папочка, можешь идти домой."

Потом она потрогала свой живот и, поняв, что ребенка не удалось сохранить, начала плакать, слезы текли ручьями. "Господь всемогущ, – подумала Галя, – то, что не смогли сделать врачи, Бог сделал сам, значит так нужно было. Рано мне еще уходить, я ещё не выполнила свою миссию на Земле."

– Интересно, Галя, а что за человек был твой свёкор? – спросила я, – хорошо к тебе относился? любил как родную дочь?

– Мой свёкор был фронтовиком, уважал меня за то, что любила и терпела его сына, баловня. Он был у них самый младший, очень талантливый: играл на разных музыкальных инструментах: на баяне, на гармошке, на гитаре; хорошо рисовал, писал разным шрифтом, занимался резьбой по дереву, делал мебель, а также разные чеканки из металла. У него было много талантов, но алкоголь его сгубил, потому что все расплачивались с ним водкой. Свёкор ему говорил, что без меня он пропадёт. Я его сына спасала много раз от неприятностей, а в последний раз спасла от суда... Из-за этого я и потеряла ребёнка. А свёкор меня любил, как дочь, жалел. Он потом даже дом нам купил в городе.

Хороший свекор, – подумала я, – создал резонанс, вернувший с того света!

– Впасть в кому ... верно, были сильные переживания? – спрашиваю я Галю уже в другой раз.

– Все случилось после сильного стресса, связанного с историей мужа. Он работал в школе преподавателем труда. Во время уроков ему нужно было закрывать класс на ключ, так как там всегда было шумно от работающих станков. Но он в этот раз забыл закрыть класс, и трое мальчиков незаметно ускользнули в коридор, стучали и мешали вести уроки. Завуч школы поймала их и привела к кабинету труда, чтобы завести на урок. Их встречал у входа учитель труда, мой муж. Каждый из них слегка получил по лбу дюралевой (дюралюминий) трубочкой, и на этом инцидент должен был закончиться. Но нет, история получила продолжение.

Через несколько дней у мальчика Володи на лбу появился волдырь, лицо начало отекать, опухло. Родители стали его спрашивать, что случилось, может он подрался с кем-то. Володя вспомнил, что учитель труда ударил его дюралевой трубочкой по лбу.

В больнице поставили диагноз: сепсис. Мужа Гали сразу же арестовали, опасаясь как бы отец мальчика не устроил самосуд. Галя, как мы уже сказали выше, была на шестом месяце беременности. От страха ее будущий ребёнок сбился в комочек, живот стало тянуть к низу. Но страх потерять ребёнка ушёл на второй план. На первом месте стоял муж и случившееся с ним. Сердцем она чувствовала, что муж не мог так сильно ударить ребёнка, чтобы нанести ему такую травму.

Когда мужа арестовали, Галя поехала к их хорошему знакомому, фронтовику, дяде Ване. Он был уважаемым человеком в районе, директором Дорстроя. Прокурор района был его другом. Он устроил ей встречу с прокурором. Тот, увидев беременную женщину, удивился, что она старается выгородить преступника. Галя сказала ему, что не верит в виновность мужа. Тогда он посоветовал держаться поближе к семье ученика, контактировать с родителями, съездить в больницу. Что она и сделала.

У директрисы школы была машина "Жигули", её муж отпросился с работы, чтобы отвезти женщину в районную больницу к мальчику, узнать о его состоянии. Когда ехали, над ними очень низко пролетел санитарный самолёт. Галя догадалась, что это за мальчиком Володей. Подъехали к аэропорту в тот момент, когда самолёт уже приземлился и Володю грузили в самолёт.

Володю Галя не узнала, настолько сильно распухло его лицо - сплошной водяной шар, не видно ни глаз, ни рта, ни носа. Страшная картина. У нее в этот момент ребёнок сбился в ком и, казалось, хотел покинуть свою маму.

Отец Володи сказал Гале, что если мальчик умрёт, то он убьёт и Галю и ее детей. Не посмотрит, что она уважаемая всеми учительница. Самолёт поднялся в воздух, улетел, а Галя стояла, схватившись за живот, и не понимала, что же ей дальше делать, как действовать...

По дороге домой муж директрисы посоветовал Гале поехать на следующий день в областную больницу, чтобы быть рядом и узнать, что там будет с мальчиком. Ему должны были делать операцию. Дома Галя сварила куриный бульон, напекла булочек, вскипятила молоко, чтобы все это отвезти Володе. Семья Гали жила в деревне, и у них всё было своё. Детей она оставила дома одних, дочери старшей было 13, сыну - 10 лет.

– Они были у меня самостоятельные, – рассказывает Галя, – привыкли помогать мне во всём. Да и сестра жила рядом. Проблема была ещё одна: колёса в автомобиле «Жигулей» были лысые. Нужны были целые. Водитель боялся ехать, говорил, что дороги плохие и можем не доехать. А ещё он мне посоветовал взять с собой в больницу мать мальчика. Я вспомнила, что у соседа директрисы тоже есть «Жигули», а его сын учился у меня в классе. А пошла к соседу с поклоном, попросила помощи. Он снял со своих «Жигулей» передние колёса и отдал нам. Ещё и помог переставить колеса.

– Дороги плохие, какое это было время года? – спросила я. – Или всегда были плохие дороги?

– Это было осенью, конец сентября, начало октября, просто грейдерная дорога, ямы и бугры, а ехать 180 километров до города. Я собрала две сумки: одну для мальчика в больницу, вторую для мужа в тюрьму. Утром выехали в дорогу. Заехали к родителям Володи в соседний посёлок. Было около шести утра. Мать мальчика ещё спала, хотя в это время все хозяйки уже подоили коров и выгоняли их на пастбище. Я постучала в окно, вышла мама Володи, вся заспанная, помятая, от неё несло перегаром.

В доме было грязно, сплошная анти-санитария. Так вот откуда у мальчика сепсис... Среди кучи грязного белья я увидела спящего ребёнка. Это была девочка, вся чумазая, как бегала вчера, так и уснула на куче тряпья. Мама стала её переодевать, а сама рассказывала, что вчера они зарезали корову на мясо, продали часть, а потом пришли соседи, хорошо посидели.

В то время, когда Галя беспокоилась о состоянии мальчика, готовила бульон, сепарировала молоко,- ей стало плохо от всех этих запахов, она вышла на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Иван, так звали водителя, знал эту семью хорошо. Он рассказал вкратце, что родители мальчика дружат с алкоголем.

Отделение челюстной-лицевой хирургия находилось на девятом этаже областной больницы. Лифт не работал, пришлось подниматься по лестнице. Родительница поднималась еле-еле. Галя вела за руку её дочку. Ей было примерно года четыре. Вышел врач, который оперировал Володю и сообщил женщинам, что операция прошла хорошо, что мальчик будет жить, он в реанимации. А туда нельзя входить никому. Когда он рассказывал, то обращался к Гале. Она спросила, какой диагноз у Володи. Доктор поинтересовался: " А кто Вас мама?" Женщина вышла вперёд к нему и ответила, что она. Доктор сделал шаг назад и сказал, что диагноз Володи фурункул-флебит-сепсис.

– Володя сейчас в реанимации,- сказал он,- слава богу, вовремя его довели, операция прошла удачно. Сейчас делаем переливание крови. Но я вам хочу сказать, что я беседовал с мальчиком. Он мне рассказывал, что его ударил в лоб учитель труда дюралевой трубкой. Это совпадение. У мальчика всё получилось не от удара. У него был фурункул от простуды, затем он занёс туда инфекцию. Как он мне рассказывал, мама ему посоветовала делать примочки с питьевой содой на фурункул. Я видел ногти на руках вашего сына, и у меня сложилось впечатление, что он их точно полгода не стриг и давно не мыл. Он давил фурункул на лбу, чтобы оттуда вышел гной. Вот поэтому он занёс туда инфекцию, получилось заражение, а в итоге ко всему, со временем приключился сепсис. Вот поэтому вся голова его была отёкшей. Так что учитель труда здесь не при чём! Он его не ударил так, чтобы его судить. Тут вышла медсестра и позвала доктора к телефону.

"Мой муж не виновен, не виновен!" – думала Галя. От напряжения, от сильного накала чувств она упала в обморок. Хорошо еще, что кресло было позади нее. Медсестра срочно принесла нашатырь, воду с корвалолом.

Когда Галя пришла в себя и ей стало легче, стали потихонечку спускаться с седьмого этажа на первый. Лифт так и не работал. Вера вдруг, как будто проснулась, и забормотала:

– А почему же мы не взяли у врача справку с диагнозом Володи? Ведь причина же была не ударе, а в фурункуле. Она рысью помчалась по ступеням назад, попросить доктора, чтобы он дал такую справку. А Галя с её дочкой потихонечку стали спускаться вниз.

Благо, что нужно было идти вниз, а не вверх. А когда Вера вернулась, все с глубоким облегчением вздохнули, как будто развязалась петля, сжимающая всем горло, не дающая свободно, во всю гортань, дышать.

К вечеру приехали в район, заехали в милицию, чтобы отдать справку от доктора. Там сообщили, что Петра отпустили домой, поскольку начальник милиции позвонил в областную больницу и выяснил, что у мальчика совсем другой диагноз.

– После поездки мой ребёнок постоянно стал сбиваться в комочек, – вспоминает Галя. – Побывала на обследовании у гинеколога, доктор предупредил меня, что могут быть плохие последствия и что мне нужно лечь в патологию на сохранение плода. Я дала согласие после праздника 7 ноября приехать в больницу. И вот настал этот праздник. С утра у меня стала сильно болеть голова, как будто её сдавливали тисками. Боль была ужасной. Я не могла открыть глаз, а потом мгновенная тошнота и рвота. Я попросила мужа сходить к нашему фельдшеру, благо она живёт в метрах пятидесяти от нас. Через некоторое время пришел муж и сообщил, что она придёт через час, а сейчас она доит коров. У меня от услышанного опять появилась тошнота и рвота, сильный приступ головной боли не прекращался.

Дитя в животе сбилось в камень, и живот уже не расслаблялся. Ребёнок, видимо, всё чувствовал, как к нему равнодушно, и это человеческое равнодушие убивало его, ещё не увидевшего свет.

Тогда Галя попросила мужа пойти к другой медсестре, Александре. Та всегда идёт к людям в трудную минуту, никому не отказывает. Когда Петр ушёл к ней, Галя в ожидании, надеясь на лучшее, немного успокоилась, положив свои руки на живот.

Ребенок потихоньку стал тоже успокаиваться, стал принимать горизонтальное положение. А то выпячивался постоянно, как мячик, то влево, то вправо. Немного забывшись, Галя очнулась. Перед ее глазами предстала медсестера Александра Назаровна. Она тут же определила, что у Гали на почве стрессов поднимается кровяное давление, и открылся поздний токсикоз.

Нужно срочно везти в больницу, а то можно потерять ребёнка. Муж сразу же заявил:

– Сегодня праздник, все гуляют. Кому охота везти мою жену в район.

– А ты пойдешь к своему отцу, у него есть хоть и старенький «Москвич», но он всегда на ходу, - предложила медсестра. – Да и держать Галю дома нельзя. Не дай Бог откроется кровотечение, тогда вообще может случиться летальный исход. Ведь у неё уже шесть месяцев беременности. А там полежит до срока семи месяцев, уже, если и будет угроза, но семимесячные детивыживают. Вот направление, вези её как можно скорей!

Медсестра дала Гале таблетки от высокого давления, дала ношпу, чтобы живот расслабился и - ушла, строго приказав мужу, отвезти Галю в районную больницу. Расслабившись от таблеток, Галя уснула, да так и проспала до вечера.

А вечером она проснулась от того, что опять тошнило. Она лежала в постели одна в спальне, дверь была закрыта. Галя ничего не держала во рту с утра, даже воды не пила целый день. Стала кричать от боли, пришёл муж и спросил:

– Что, опять тошнит? А к нам пришли наши кумовья, мы сидим на кухне, двери закрыли, чтобы не помешать тебе отдыхать.

– У меня открылось кровотечение, страх овладел мною, – вспоминает Галя. – Я могу потерять ребёнка. Услышав мой стон, в комнату вошла кума, Рая, и сразу же стала кричать на моего мужа, увидев меня в таком состоянии:

– Ты что же её держишь дома? Она же сама умрёт и дитя вместе с ней! Сейчас же идите вместе с Николаем за машиной! Её немедленно нужно транспортировать в больницу.

– А к кому я пойду, все сегодня пьяные, ведь праздник же, – сказал муж.

– А почему ты с утра её не отвёз, додержал до такого состояния?

– Так она же спала, я думал, что ей стало лучше, – оправдывался муж.

– Да она же была без сознания, у неё высокое давление, она потеряла сознание. Ты что, совсем бесчувственный?!

Рая отправила мужчин к дяде Ване, бывшему фронтовику, тот всегда трезв, есть машина, и сам всегда безотказный. Здесь я была уже уверена, что помощь от него будет. Я не успела одеться, как услышала в коридоре шум, это приехали мужчины с машиной. А вместе с ними и моя коллега Нелля Давыдовна. Она меня успокаивала, подала мне одежду, чтобы я потихонечку одевалась, стала причитать надо мной, жалеть, отчего мне ещё больше стало жаль себя и большей за бессердечие моего мужа, которое он ко мне проявил. Потихоньку мы сели на заднее сидение машины. Я себя уже не чувствовала, кровь на каждой кочке выходила из меня в простыню, что я под себя подложила. Наконец, доехали до больничного городка. Вижу натянутые цепи при въезде в больничный городок. Вот тут мне захотелось потянуться, как будто я устала. И, больше я ничего уже не помнила...

Очнулась на кушетке, прямо передо мной красное лицо врача – гинеколога Виктора Анатольевич. Он кричал мне в лицо:

– Галя, Галя, ты меня узнаёшь? – А я думаю, ну что он кричит на меня? Конечно, я его знаю. Ведь он – мой лечащий врач. А он опять кричит мне в лицо:

– Галя, ты меня знаешь?

– Да, я знаю тебя, ты Виктор Анатольевич... И опять уснула. Потом, спустя время после этого случая, мне рассказала моя коллега Нелля Давыдовна, что произошло. Она сидела рядом с водителем впереди, а я вдруг сзади потянулась и зевнула громко. Потом вытянулась в струну. Мужчины не могли вытянуть меня из машины, так я была несгибаема. Кое – как выташили, положили на носилки, занесли в приёмный покой и стали приводить в чувство. Надежды не было, что я прийду в себя. Дежурный врач сказал, что нужно было раньше меня привезти, когда всё началось. Мужу сказали, чтобы он мужался. Нелля Давыдовна кричала на всю больницу, чтобы меня спасали, что я ещё молодая, что у меня двое маленьких детей. А мой муж успокаивал её и бормотал:

– Ну, что теперь сделаешь... Её не вернёшь, а ты побереги себя, Нелля!

Нелля рассказывала, что такого равнодушия она ещё в жизни не встречала. Она знала, как я любила мужа, знала всю историю с "тюрьмой". Какие стрессы я переживала из – за моего мужа... А теперь он с таким безразличием ко мне успокаивает её, чтобы она себя берегла. А кто же должен был беречь меня? Когда она мне всё это потом рассказывала, у меня был в голове только один вопрос : «Почему так? Ведь я была готова за него и в огонь и в воду пойти, чтобы его спасти. А он продержал меня дома с утра до самого вечера. Неужели нельзя было отвезти больного человека в больницу.

Самое ужасное, что может случиться в жизни- это равнодушие к тебе самых близких людей, это самое настоящее предательство. Тем более, что это больной человек, жена, которая носит его же ребёнка... Боль и горечь рвали мои мысли, рвали моё сердце на части от того бессердечия.

В то время, когда дежурный врач и гинеколог приводили меня в чувство и Нелля Давыдовна молила Бога, чтобы Он мне помог, я опять пришла на некоторое время в чувство. Врачи сбили мне немного давление, оно было очень высоким. А потом я опять заснула . Иногда я открывала глаза и видела около себя медсестричку в белом халате, очень похожую на мою двоюродную сестру Раю. Она меня очень любила в детстве. Эти детские тёплые воспоминания согревали меня на некоторое время. Я видела перед собой штатив, на котором висели всякие пузырьки, и по трубочке в мою вену текла жидкость, красного цвета. А в другой раз я проснулась от крика моего свёкра:

– Галя, Галя, где ты? Я тебя ищу! Посмотри в окно! – А потом опять стук в окно...

Я открыла глаза и прислушалась. Да, это был отчётливый крик моего свёкра. Он стучал и кричал в окно палаты, где я лежала. Напротив меня была ещё одна кровать, там была моя соседка, которая пыталась встать, чтобы посмотреть в окно. Я откинула одеяло и сама встала с постели. Подойдя к окну, увидела отца, который плакал и кричал мне, чтобы я себя берегла, чтобы скорее поправлялась. Я махнула ему в ответ и опять пошла к кровати. Соседки моей на месте уже не было.

А через мгновение в палате появились врачи, медсестрички. Принесли сразу же уколы, систему поставили.

Виктор Анатольевич присел на край кровати и мне прошептал:

– Ну ты ж меня и напугала. Я думал, что ты живёшь за счёт сердца. Мы уже все системы сняли, думали, что твой мозг уже отмирает. Ты вообще уже не реагировала.

– А какой сегодня день? – спросила я.

– Сегодня десятое ноября. Ты трое суток была в коме. Мы ничего не могли сделать. Мы испробовали все дефицитные лекарства, какие только были у нас в запасе. Но всё было безрезультатно. Это просто чудо, что ты вернулась!

Когда я положила по привычке свои руки на живот, то почувствовала, что живот пуст. Ребёнка там не было. От жалости за дитя я расплакалась, а врач немедленно приказал дать мне снотворное, чтобы я спала. А во сне я видела, как я летела по светлой трубе вверх, а на пути встал Христос, и меня не пустил дальше, сказав, что мне туда ещё рано. Что мне нужно вернуться назад, там ждут меня мои дети. И я вернулась...

Через день меня перевели в гинекологию, так как мне всегда становилось плохо от того, что в роддоме постоянно плакали новорождённые дети, а я, глядя на них, вспоминала моего невырожденного ребёнка и было очень горько осознавать, что он мёртвым преждевременно родился. Потом я уже узнала, что это была девочка. В гинекологии я три дня не спала, все женщины в палате отсыпались после аборт, а я лежала с открытыми глазами целыми ночами и думала: «Вот я потеряла своего ребёнка по причине таких ужасных событий в моей жизни. А у этих женщин просто нет желания иметь ребёнка. Конечно, у каждой есть на то своя причина.»

Домой я попала на шестые сутки. Было очень обидно за себя и то, что не сохранила ребёнка. Но что я могла поделать против воли Бога. Видимо, видел разыгравшуюся трагедию в нашей семье и решил забрать дитя, пока ещё можно было спасти его душу. А у деточек новорождённых ангельские души. Вот и я была уверена, что моя доченька сразу попала на Небеса. Это меня утешало.

Пробыв немного времени дома, я вышла на работу. Была ещё слаба после больницы, время было предновогоднее, все в школе готовились к праздникам. В один день подходит ко мне наш председатель профсоюза и говорит:

– Галина, мне позвонили с районо и предложили горящую путёвку на курорт. Ты не хотела бы подлечиться? Ведь ты перенесла такую трагедию, тебе бы не помешало немного отвлечься от всех этих неприятностей, полечиться и просто переменить обстановку.

– Да я не знаю, я ведь никогда в своей жизни не была на курортах, не была в отпусках, чтобы можно было оставить на такое время детей с мужем. Но я поговорю с мужем, если он отпустит, то я хотела бы поехать. Тем более, что это почти рядом с нашим районом, всего 250 километров.

– Я уже с твоим мужем поговорил, он согласен. Если ты решишься, то я звоню в район и оформим путёвку.

Раньше она слышала от своих односельчан, что они ездят в отпусках на курорты со своими детьми, берут семейные путёвки. Многие ездили ежегодно на курорты Крыма, на море, и это они делали за свой счёт. Люди думали о своём здоровье, берегли себя. А она никогда об этом даже и не помышляла, она старалась уберечь мужа от неприятностей, берегла детей, но о себе никогда не думала. Ведь, если бы она себя любила и берегла, то не потеряла бы своего ребёнка. Это был урок: обратить внимание на себя, так жить дальше нельзя.

Галя пробыла на курорте три недели. Конечно, она отдохнула, совершала прогулки на лыжах, получала хорошее лечение, питание было отличным. Ее дети в зимние каникулы были у родителей, а потом, когда начались занятия в школе, одну неделю они были с отцом.

По приезде домой Галя имела важная беседу с завучем по учебной части.

– Галина, я часто за тобой наблюдаю, как ты ухаживаешь за скотом, чистишь навоз, а ведь эту работу должен делать в семье мужчина.

– Что вы, Надежда Кузьминична, мой муж очень занят в школе. У него много учебных часов, он занят целый день. А вечерами у него кружки и секции.

Ответила:

– Я знаю все его кружки и секции, – сказала Надежда Кузьминична. – Я всегда смотрю, как ты одеваешь его мужскую шапку, чтобы тебя не узнали люди, и возишься в сарае. Так вот, я тебе скажу: «Сними эту шапку!» Ты забыла, что ты женщина и у тебя двое детей. А твой муж не так уж загружен в школе, чтобы не найти время прийти домой и накормить скотину, а тем более почистить навоз и вывезти его. Я знаю, что ты ему в школу носишь еду. Конечно, ты ему все условия создала для такой безалаберной жизни. Ты его жалеешь и балуешь, как женщину, жалеть должен мужчина. Поменяйся ролями. Ты забыла, что ты слабый пол.

Надежда Кузьминична помогла Гале осознать: ее жизнь – это жизнь белки в колесе, заел быт с его однообразием, никакого движения, никаких изменений. Галя твердо решила в корне изменить свою жизнь. Она поступила учиться в Педагогический институт на заочное отделение.

С мужем Галя рассталась. Не судьба. Ей посчастливилось много лет спустя встретить свою половинку, ту, о которой мечтает каждая женщина. Они были знакомы с юности. Но это уже другая, преинтересная история.

Опубликован на прозе.ру <http://www.proza.ru/2015/04/20/981> и в альманахе ЛИТО «Литературные страницы», 2015.